

ТОМОЮКИ СИРАИ

БОГ В ЗАПЕРТОЙ
КОМНАТЕ

МОСКВА

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44
С40

Tomoyuki Shirai 白井 智之
The Detective Massacre 名探偵のいけにえ

MEITANTEI NO IKENIE: JINMIN KYOKAI
SATSUJIN JIKEN by SHIRAI Tomoyuki
Copyright © Tomoyuki Shirai 2022

Illustration © AOKI Kouri (p. 8, p. 136, p. 140, p. 201, p. 215, p. 256, p. 294)
All right reserved

Original Japanese edition published by SHINCHOSHA
Publishing Co., Ltd. in 2022

Russian translation rights arranged with SHINCHOSHA Publishing Co.,
Ltd. through Japan UNI Agency, Inc.

Russian translation copyrights © 2026 by Limited
Company Publishing house «Eksmo»

COVER ILLUSTRATION INSPIRED BY THE ILLUSTRATION OF AOKI Kouri

Сираи, Томоюки.

С40 Бог в запертой комнате / Томоюки Сираи ; [перевод
с японского Л. Булах]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225255-6

Ририко Аримори — студентка, обладающая блестящим, даже пугающим даром логических умозаключений. Она работает в детективном агентстве Такаси Оотоя и в деле может заткнуть за пояс своего шефа. Внезапно девушка бесследно исчезает. Оотоя готов на все, чтобы отыскать помощницу.

Он находит ее в далекой Южной Америке, в джунглях Гайаны. Ририко по известным только ей причинам изучает жизнь закрытой религиозной общины «Храм народов». Все в этом месте странно: верующие считают, что избавлены от болезней и смерти, безногий абсолютно уверен, что может ходить, а загадочный лидер культа Джим Джордан регулярно демонстрирует способность творить чудеса.

Однако эта способность не помогает, когда в поселении, несмотря на всеобщую уверенность его обитателей в невозможности смерти, погибает человек. Убийство. Причем убийство невозможное: комната, где обнаружен труп, заперта изнутри, а ключ лежит рядом с телом. Ририко и Оотоя объединяют свои дедуктивные навыки в поисках убийцы. Джордан дал им всего три часа. И никто не может вообразить, какие жуткие последствия будут иметь эти поиски...

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

© Булах Л., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225255-6

Мы совершили не самоубийство,
мы совершили акт революционного
суицида в знак протеста против дей-
ствий негуманного мира.

*Джим Джонс,
18 ноября 1978 г.¹*

¹ В основу сюжета положены реальные события: коллективное (самое массовое в истории) самоубийство (или же, по некоторым версиям, массовое убийство) членов религиозного движения «Храм народов» под руководством Джима Джонса 18 ноября 1978 года в Гайане. — *Прим. ред.*

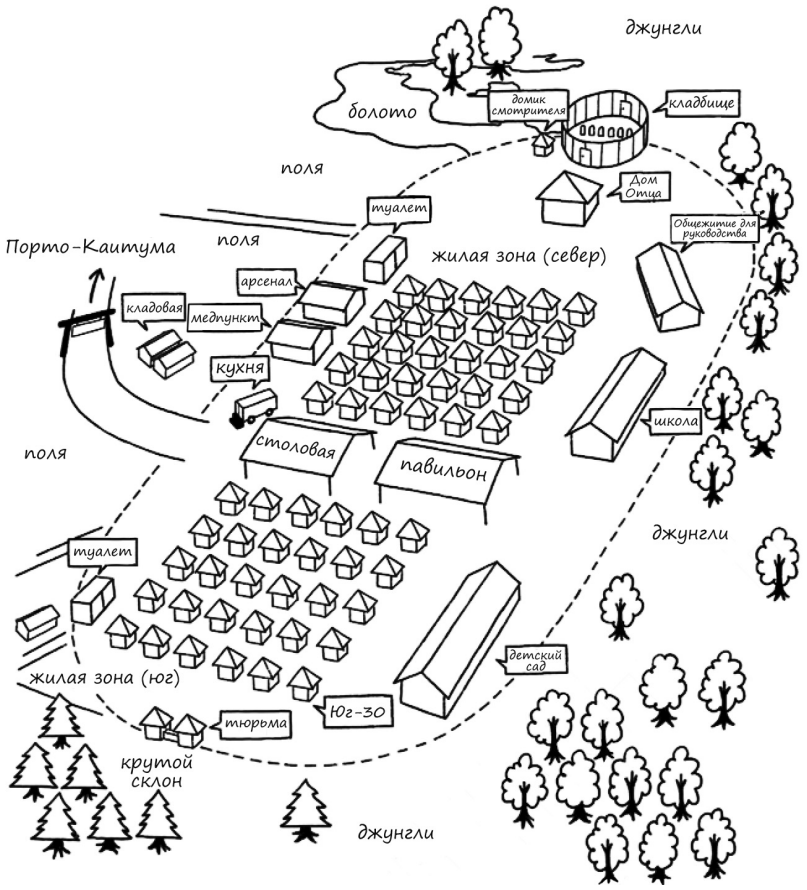
To punish my sins,
I decided to kill
myself.

Louis Rezner

«Я решила убить себя в наказание
за мои прегрешения»

Копия записки Луизы Резнер из архива ФБР

Джордантаун

Сначала умерли дети.

«Чудеса существуют на самом деле. Ничего не бойтесь. Не надо кричать и плакать», — доносятся слова Отца из громкоговорителей, установленных по всей территории общины.

18 ноября 1978 г., 21:30. Джордантаун — небольшое поселение в джунглях в 11 км от города Порт-Кайтума, провинция Барима-Уайни, Республика Гайана.

«Мы вас любим. Мы проводим вас в последнее путешествие», — раздаются со сцены павильона слова Джима Джордана. Дети, держась за руки взрослых, выстроились в очередь перед большим баком. Две работницы столовой набирают пипетками фиолетовый сок и закапывают его глубоко в детские глотки.

«Этот сок приготовили мы сами. Вам совсем не будет больно. Вы просто уснете, а проснетесь в раю».

Так утешал детей Джим Джордан, но через несколько минут бесчисленные крики и стоны доказали, что он солгал. Дети в поту, мучимые неукротимой рвотой. Дети, расцарапывающие себе горло из-за удушья. Дети, с пеной у рта проклинаящие напавших на общину пришельцев. Взрослым оставалось только наблюдать за ними со слезами на глазах.

«Почему вы плачете? Не нужно ни о чем беспокоиться. Господь даровал нам жизнь и смерть. Пришло время с благоговением покориться судьбе».

Не прошло и часа, как умерли все 267 детей.

Вслед за детьми взрослые, вслед за взрослыми старики глотали по указанию Джима Джордана разлитый по бумажным стаканчикам сок.

Вот работник фермы, получив стакан из рук работницы столовой, сдерживая рыдания, поблагодарил Джима: «Ты единственный сражался за нас со всем миром» — и выпил сок до дна. Опустившись перед сценой на колени, он коснулся лбом земли и вознес молитвы Джиму. Он продолжал молиться еще несколько минут, несмотря на начавшиеся судороги, но затем сознание его помутилось, и он умер, бормоча что-то нечленораздельное.

Директор школы Джордантауна, со слезами на глазах получив стакан с соком, взглянул на тела своих учеников, прошептал: «Джим Джордан — мой единственный Бог» — и залпом осушил стакан. Выбежав из павильона, он направился в сторону здания школы, где работал последние полтора года, пробежав метров сто, упал замертво, сраженный жестокой головной болью и головокружением.

Надзиратель Джордантаунской тюрьмы молча выпил сок и с непроницаемым лицом покинул павильон в инвалидной коляске. Выехав на безлюдный пустырь, он остановился, постелил под себя подстилку, чтобы не запачкать рвотой свою верную подругу, с которой долгие годы делил радости и печали, а затем сполз на землю. Через несколько минут ему стало трудно дышать, и он умер, цепляясь пальцами за траву. Левое заднее колесо инвалидной коляски погрузилось в лужу из мочи.

Смотрительница кладбища Джордантауна, получив стакан с соком, обвела глазами лица своих соседок по комнате и, пробормотав языческое заклинание: «Встретимся вновь после перерождения!», — залпом осушила стакан. Джим все еще продолжал увещевать в микрофон: «Мы отправляемся в божественную страну». Но она вновь повторила: «Встретимся вновь», «Встретимся», ударилась головой о скамейку и умерла.

Одна служительница канцелярии, принимая в руки стакан с соком, высокопарно заявила: «Я горжусь тем, что могу умереть по собственной воле, а не так, как заставили умереть евреев нацисты» — и решительно выпила сок. Усадив своих коллег в кружок, она вместе со всеми стала ждать симптомов отравления, и вот у нее начали невыносимо болеть горло и грудь. Боль мешала дышать, и, захлебываясь рвотой, она упала и стала корчиться на земле. Она чувствовала себя жестоко обманутой, но так и не смогла заплакать от обиды и умерла, захлебнувшись.

Были и те, кто в смертельном страхе пытался выбежать из павильона. Одна работница столовой сначала последовала указаниям Джима, но не смогла вынести раздающихся отовсюду стонов и ринулась бежать в сторону густых джунглей. Однако через несколько десятков метров ее настиг охранник, схватил и поволок внутрь павильона. Ей, как и детям, закапали сок в горло пипеткой, и минут через десять она в муках скончалась под презрительными взглядами окружающих.

Некоторым удалось скрыться в джунглях, но большинство постигла та же участь.

Прошло три часа после гибели первого ребенка, дело шло к полуночи. Верующие из числа работников кухни и охранников выпили остатки сока в заваленном трупами павильоне.

Стоны становились все слабее, наконец наступила тишина. «Вот и конец».

С этими словами начальник отдела внутренних дел «Храму народов», правая рука Джима Джордана, налил себе стакан сока и, прислушиваясь к звуку собственных шагов, направился в глубь павильона.

Пол был сплошь устелен трупами. Он вспомнил, как когда-то в штаб-квартире в Сан-Франциско территорию общины атаковали полчища комаров, и поле, принадлежавшее «Храму народов», в срочном порядке было засыпано пестицидами. Зрелище перед глазами напоминало то поле наутро после обработки.

Когда он вышел из павильона, в глазах у него зарябило от множества разноцветных одежд. Броские цвета — оранжевый, пастельно-зеленый, малиново-розовый — преобладали над скромными бежевым и белым. Жителям общины вчера велели одеться поярче в честь приезда инспекционной группы, возглавляемой конгрессменом Лео Райландом.

Но почему эта праздничная суматоха всего за один день обернулась таким кошмаром?

Он попытался вспомнить события сегодняшнего дня, но сразу остановился. Вряд ли имеет смысл выискивать себе оправдание, глядя на бесчисленные трупы. Все кончено. Проведя рукой по правой щеке, как бы сегуя на свою глупость, он коснулся губами края стакана и проглотил его содержимое.

Джим Джордан сидел на стуле посреди сцены и прислушивался к пению насекомых.

«Голоса людей смолкли. Никто меня больше не превозносит и не проклиняет. Не верится, что в Джордантауне может быть такая тишина».

Джим поднялся со стула, отложил трость и уселся на пол между телами. Достал из кармана револьвер, выданный ему три часа назад начальником службы безопасности. Вдохнул и взвел большим пальцем курок.

Было бы неправдой сказать, что он не испытывал угрызений совести.

Но чувство, что закипало в его груди, было скорее гневом: «Он обвел меня вокруг пальца!»

Этот внезапно явившийся чужак, ничего не знающий о наших страданиях.

Иного выбора у меня не было. Оставался только этот тернистый путь. Направив по нему членов общины, я смог защитить нашу веру.

Я ни о чем не жалею».

Джим Джордан приставил дуло пистолета к затылку за левым ухом и нажал на спуск.

ПРОЛОГ

1

Вночь, когда умер знаменитый детектив, в порту шел дождь. Поздно вечером 30 октября 1978 года в гостевом доме «Сад у моря», что выходит на залив Исиномаки в префектуре Мияги, раздалось два выстрела. Первый — в 11 часов 15 минут, второй — в 11 часов 17 минут.

Хозяин гостевого дома сразу же проверил, в безопасности ли постояльцы. Гостей в этот день было четверо. В главном доме номер занимала супружеская пара с ребенком, и у них все было в порядке, а вот одинокий мужчина, разместившийся во флигеле, не отвечал ни на звонки по телефону, ни на стук в дверь. Открыв замок флигеля своим ключом, хозяин обнаружил мертвого постояльца с кровавой раной в животе.

В это же время услышавший выстрелы житель соседнего дома позвонил в полицию. Находившийся неподалеку патрульный из полицейского участка Минамимати тут же примчался в «Сад у моря» и обнаружил на дороге рядом с глинобитной оградой лежащего человека. Издали могло показаться, ребенок, дурачась, растянулся на земле, но приблизившись, он увидел маленький труп с огнестрельной раной в груди.

* * *

На календаре уже 31 октября, второй час ночи. Третий этаж скромного бетонного здания в токийском районе Накано.

— Оотоя-сан, у нас чрезвычайное происшествие! — услышал в трубку детектив Такаси Оотоя, держа в свободной руке банку с теплым пивом.

Звонил Когота — начальник сыскного отдела центрального полицейского управления префектуры Мияги.

— Двое убитых в результате стрельбы в гостевом доме. Преступник скрылся. Нам очень нужна ваша помощь!

Почему я, детектив Оотоя, считающий холодное пиво после работы главной наградой за прожитый день, пил в тот момент теплое? Все потому, что сломался компрессор моего старого доброго друга-холодильника. И вот завтра во что бы то ни стало надо идти за новым в комиссионку у вокзала. Просьбу я решил отклонить.

— Извини, у меня на завтра серьезные планы.

— Одна из жертв обнаружена в запертой на замок комнате, — не раздумывая ответила трубка.

Когота, еще полгода назад занимавший кресло начальника следственного отдела столичного департамента полиции, отлично знал сферу специализации «Детективного агентства Такаси Оотои».

— Звучит, конечно, заманчиво... Но у меня уже все расписано.

— Одна из жертв преступления — ваш коллега, — вытащил второй козырь Когота. — Это детектив Юсукэ Ёкоябу.

Было бы ложью сказать, что меня этот факт не удивил. Если убитый и вправду Ёкоябу, то-то шумиха начнется. Но все же...

— Не надо меня ставить рядом с этим аферистом!

Оотоя не любил Юсукэ Ёкоябу. СМИ имели наглость превозносить его как величайшего сыщика Японии, но в действительности дело было в простом везении: четыре года назад ему удалось поймать преступника, убившего семью торговца огнетушителями, и других достижений за ним замечено не было. В последнее время он скатился до роли псевдознаменитости и с важным видом разбирал нашумевшие преступления в эфире ТВ-шоу

«Поручите это дело знаменитому детективу!», но ни серьезного анализа дел, ни удачных расследований за ним не числилось.

— Ну, это вы напрасно. Я слышал, он назвал в эфире имя виновника четырех нераскрытых преступлений.

— Да это все сплошной обман.

— Вы в этом уверены?

— Допустим с большой натяжкой, что все это правда, но мое агентство за это время успешно посодействовало расследованию аж целых восьми висяков. Выходит, моя взяла.

Оотоя перешел на повышенный тон, но тут Когота удивленно выдохнул:

— Да вы, Оотоя-сан, оказывается, завидовали его популярности...

— Все, я кладу трубку.

— Ладно, это я так. У нас тут не только жертва, но и преступник потрясающий.

Как ни противно, но у Коготы в рукаве был еще один козырь.

— Судя по баллистическим следам на гильзах, преступник, убивший Юсукэ Ёкоябу, — это сам Марухати¹.

Вот теперь я удивился по-настоящему: неужели вернулся этот серийный убийца?

— Приготовь мне в номере бутылочное пиво. И не забудь его охладить!

Не дожидаясь возмущенных возражений Коготы, я повесил трубку.

* * *

31 октября, на часах 13:30, лужи в городе уже подсохли и стали похожи на черные кляксы.

Едва мы с моей помощницей Ририко Аримори прошли через деревянные крытые ворота гостевого дома «Сад у моря», как сверху что-то зловеще заскрежетало.

— Что за чертовщина?

¹ Омоним японского словосочетания «дело № 108». — Здесь и далее, за исключением особо обозначенных случаев, прим. пер.

Черепичную крышу венчала вывеска в виде крыльев ветряной мельницы; на ней округлыми буквами было выведено название UMINONIWA¹. С каждым порывом ветра вывеска делала оборот, издавая при этом совсем не подходящий для гостевого дома ужасный скрежет.

— Какая прелесть! — прошептала в восхищении Ририко и щелкнула затвором фотоаппарата. В этот момент подошел размахивающий блокнотом Когота и проводил нас на территорию.

— Ого, нас сам начальник сыскного отдела встречает!

— Тут у нас Марухати объявился, так что не время пить кофе в отделе.

Пройдя через сад, мы вошли в главный дом.

— Надеюсь, полиция не ошиблась, иначе вам это обойдется в копейчку!

— Результат баллистической экспертизы показал, что следы от нарезного канала на пулях совпадают со следами на пулях, выпущенных из револьвера, который использовал десять лет назад преступник Марухати. Значит, Юсукэ Ёкоябу убил именно он. Ошибки тут быть не может.

Подросток, известный под именем Марухати, объявленный Национальным полицейским агентством Японии в региональный розыск в качестве подозреваемого по делу о серийных убийствах под номером 108, в октябре 43 года эпохи Сёва² похитил с американской военной базы в г. Йокосука револьвер немецкого производства и в течение месяца застрелил в Токио, Киото, Хакодате и Сэндае одиннадцать человек подряд: охранника, водителя такси и других. Ловкость, с которой преступник ухитрялся не оставлять абсолютно никаких улик на месте преступления, позволила полиции предположить, что это взрослый (от 30 до 40 лет) преступник-рецидивист или член мафиозной группировки. Однако по мере сбора пока-

¹ Яп. латиницей (ромадзи) — «Сад у моря».

² 1968 г.; эпоха Сёва (правление императора Хирохито) — 1926–1989 гг.

заний свидетелей выяснилось, что это предположение было ошибочным. Окончательный портрет подозреваемого выглядел так: непрофессионал, без судимостей, при этом сравнительно юного (не старше 14–15 лет) возраста.

Япония содрогнулась от череды бесхитростно-жестоких, но в то же время виртуозных преступлений, однако после ноябрьского убийства в Сэндае преступник бесследно исчез. Новых зацепок так и не появилось, и расследование за десять лет не продвинулось ни на шаг.

— Юному чудовищу сейчас уже должно быть за двадцать.

— Да, уже совсем взрослый. Вероятно, новое убийство после десятилетнего перерыва было спровоцировано нападками детектива Ёкоябу.

Отоя тоже три дня назад смотрел двухчасовой специальный выпуск шоу «Поручите это дело знаменитому детективу!», посвященный делу Марухати, в котором Ёкоябу громко разглагольствовал о том, что «подобные мерзавцы, угрожающие общественному спокойствию, подлежат скорейшему уничтожению».

— А как преступник узнал, что детектив Ёкоябу остановился именно в этом гостевом доме? — спросила Ририко, наведя объектив на прихожую, где на земляном полу рядом стояли уличные сандалии.

— Похоже, он прочитал колонку «Выходные знаменитого детектива Ёкоябу» в еженедельном журнале *Domus*. Ёкоябу жил в *Uminonīwa* с двадцатого октября и писал эссе о своем отпуске.

— Получается, он сам раскрыл свое место пребывания? Как опрометчиво...

— Можно предположить, что вчера после двадцати трех часов Марухати, воспользовавшись возникшей в результате дождя плохой видимостью, пробрался во флигель и застрелил детектива Ёкоябу. Затем он попытался скрыться, но, перебираясь через глинобитную ограду, случайно встретил мальчика-подростка и застрелил его как ненужного свидетеля.

Пойдя по коридору главного дома, мы оказались во внутреннем дворике. Рядом с глинобитной оградой, куда взобрался пре-